

JEL classification: N55, P48, O13
УДК 332.2.021.8(571.53)(091)
DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(2).298-320

А.М. Курышов

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

И.В. Курышова

*Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Основания землеустроительной реформы конца XIX — начала XX столетия на землях западных бурят: теоретический аспект

Аннотация. Землеустроительная реформа рубежа XIX–XX вв., призванная урегулировать землевладение на сибирских территориях, прежде фактически не становившееся объектом пристального внимания российского правительства, предпринятая, в первую очередь, с целью формирования земельного фонда для переселенцев, затронула и хозяйство коренных народов Сибири. На территории Иркутской губернии она коснулась западных (прибайкальских) бурят. Реформа, сопровождавшаяся изъятием из пользования бурят значительных земельных угодий (в теории — около половины) вызвала сопротивление бурятской элиты, указывавшей на то, что новое землеустройство приведет к упадку скотоводческого хозяйства бурят и будет угрожать самому существованию народа. Однако исследование хозяйственного быта западных бурят, предварявшие реформу, показало, что они фактически не пользуются значительной частью своих земель и ведут по преимуществу комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, что стало основанием для распространения на них новых порядков землеустройства. При этом законодательно этот процесс был оформлен так, что оставалось множество возможностей учесть особенности хозяйственного быта бурятского населения в каждом

конкретном случае. Безотносительно к тому, как реформа проводилась на практике и к каким реальным результатам привела (здесь вносили свои коррективы, помимо практических трудностей, и масштабные события начала XX столетия – «стольпинские реформы», Первая мировая война), даже теоретически она не могла привести к разрушению традиционного хозяйства западных бурят, если рассматривать его не как простую совокупность хозяйственных традиций, а как систему социально-экономических отношений. В контексте же более «глобальных» процессов землеустроительная реформа на землях коренного населения Сибири может рассматриваться как включение сибирского землепользования в сферу государственного регулирования и инструмент переселенческой политики в контексте закрепления Россией за собой сибирских пространств в условиях ожесточения борьбы за передел мира на рубеже XIX–XX столетий.

Ключевые слова. История Сибири, Иркутская губерния, западные буряты, традиционное хозяйство, землеустройство.

Информация о статье. Дата поступления 24 апреля 2022 г.; дата принятия к печати 18 мая 2022 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2022 г.

A.M. Kuryshov

*Baikal State University,
Irkutsk, the Russian Federation*

I.V. Kuryshova

*Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, the Russian Federation*

The Rationale behind Land Reform of the Late XIX — Early XX Centuries on the Lands of the Western Buryats: A Theoretical Aspect

Abstract. Land reform at the turn of the XX century meant to regulate land tenure on Siberian territories, which had actually not been a focus of attention of Russian government, and undertaken primarily to form a

land fund for Russian settlers, also affected the economy of indigenous peoples of Siberia. On the territory of the Irkutsk Governorate it affected the Western (living in Cisbaikalia region) Buryats. The reform, which resulted in withdrawal of vast land holdings from the Buryats' use (in theory, about a half of them), aroused opposition of the Buryat elite, who pointed out that this land reallocation would bring to decline the cattle breeding economy of the Buryats and would threaten the very existence of the people. However, a study of the economic life of the Western Buryats, which had preceded the reform, showed that they actually did not use much of their land and practiced a predominantly integrated crop and livestock farming; this became the basis for applying new land use management procedures to them. In addition, this process was legally formalized in such a way that there were many opportunities to take into account the peculiarities of the economic life of the Buryat population in each specific case. No matter how the reform was carried out in practice and what results it led to (the great events of the early XX century – the Stolypin reforms, World War I), even theoretically it could not lead to the destruction of the Western Buryat economy, if we consider it not as simple set of economic traditions but as a system of social and economic relations. In the context of more "global" processes, the land reform on the lands of the Siberian natives can be considered as the inclusion of the Siberian land-use into the sphere of the state regulation and an instrument of the resettlement policy as part of securing the Siberian territories by Russia in the conditions of the fierce struggle for the world redivision at the turn of the XX century.

Keywords. History of Siberia, Irkutsk Governorate (Gubernia), Western Buryats, traditional economy, land reallocation.

Article info. Received April 24, 2022; accepted May 18, 2022; available online June 30, 2022.

Исследование различных аспектов реформы землеустройства Сибири, осуществленной в конце XIX – начале XX вв. и коснувшейся и коренного (не-русского) населения, актуальным является в связи с

двумя основными обстоятельствами. Во-первых, эта реформа представляется важной попыткой российского правительства распространить устоявшиеся для Европейской России правила землепользования на сибирские территории, в том числе — на земли коренных народов, всегда управлявшиеся особым образом. Сам по себе факт обращения царского правительства к вопросу урегулирования вопросов землеустройства сибирских губерний свидетельствует о перемене отношения к Сибири: до этого она рассматривалась почти исключительно как колония (со всеми вытекающими отсюда издержками использования территории — от ссылки до выкачивания ресурсов без систематических попыток развития региона), теперь же, со строительством Транссиба и активизацией переселения (а «освобождение» земельных ресурсов — прежде всего, ресурсов, используемых «кочевыми инородцами» — для переселенцев и было одной из «ближних» целей реформы), — как неотъемлемая часть России. Попытка эта, со всеми своими выгодами (активизация переселенческой политики объективно способствовала русификации малозаселенных сибирских территорий; это было важно и с точки зрения обострившихся на рубеже XIX–XX столетий геополитических противоречий в Азии — между Британской империей и Россией (элемент «Большой игры»), между Россией и Японией, между Россией и США) и недостатками (обострение «национального вопроса», хотя и вызванное не притеснениями коренного населения, а нежеланием национальных элит терять привилегии и экономические рычаги воздействия на соплеменников, но объективно приводящее к дестабилизации межнациональных отношений) требует детального изучения, поскольку сегодня Россия находится на том историческом этапе, когда, без преувеличения, определяется ее будущее как цивилизации: останется ли она таковой — огромной, многонациональной, но

при этом имеющей внутреннее единство, или займет место периферии других цивилизаций.

Во-вторых, в исторической науке с советских времен сложилось довольно стереотипное мнение о реформе сибирского землеустройства как о плохо продуманной, искусственной, не имеющей под собой достаточных оснований (в особенности — относительно коренного сибирского населения), типично для «царского режима» (в самом негативном смысле этого словосочетания) реакционной. И такое отношение к реформе поддерживается и сегодня многими исследователями традиционного хозяйства коренного населения Сибири, ведь она привела (вернее, должна была привести, если бы проводилась так, как было задумано) к изъятию из пользования «инородцев» значительного количества земель, что коренным образом меняло хозяйственные устои аборигенов Сибири. Это мнение зиждется на тех же аргументах, которые в ходе проведения реформы высказывали ее противники: а) «кочевые инородцы» — есть скотоводы по типу своего хозяйства, а изъятие у них земель приведет к упадку животноводства, разрушит его; б) упадок скотоводческого хозяйства будет способствовать обеднению «инородческого населения», падению рождаемости и, в конечном итоге, поставит под угрозу само существование коренных сибирских народов. Сильной стороной такой аргументации, на наш взгляд, является увязка хозяйственного уклада с физическим существованием этноса — первый как совокупность традиций материальной жизни является в условиях традиционного хозяйства одним из важнейших (наряду с языком и иными традициями жизни духовной) факторов самоидентификации народа. Но есть и слабая сторона: далеко не все «кочевые инородцы»-скотоводы были таковыми по факту. В том числе и с этим связан наблюдающийся в современной исторической науке «непростой, противоречивый процесс нового видения проблемы» [1, с. 69].

Целью настоящей работы является рассмотрение одного из аспектов — довольно узкого, но от этого не менее остальных значимого — землеустроительной реформы сибирского населения: оснований реформы в контексте ее влияния на традиционное хозяйство одной из этнических групп Восточной Сибири — западных (иркутских, прибайкальских) бурят (землеустроительная реформа не затрагивала восточных (забайкальских) бурят). Предваряя такой разговор, необходимо прояснить два обстоятельства. Во-первых, под «основаниями» реформы в данном случае понимаются те условия, которые делали ее возможной. Их представляется возможным объединить в две группы: хозяйственные условия и законодательные основы. Первые выступают экономическими предпосылками реформы, вторые характеризуют механизм реализации ее (с теоретической точки зрения). Рассмотрение означенных оснований реформы, т.е. ее теоретической составляющей, важно с той точки зрения, что оно позволяет понять, являлось ли принятие решения о распространении нового землепользования на «кочевых инородцев» шагом необоснованным по сути и радикальным по содержанию. Такое понимание важно для определения целеполагания реформы (в отношении коренного населения Сибири), которое, в свою очередь является маркером причины. Иными словами, мы можем попытаться ответить на вопрос: являлось ли желание российского правительства изъять земли у «кочевых инородцев» для нужд колонизации единственным или приоритетным его мотивом. Практическая реализация реформы (серьезно отличающаяся от того, что должно было быть в теории, причем — не в пользу государства) уже рассматривалась на страницах журнала «Историко-экономические исследования» [2]. Во-вторых, под традиционным хозяйством западных бурят здесь будет пониматься не совокупность

«хозяйственных традиций» (приемов ведения хозяйства и связанных с ними особенностей организации быта), а система социально-экономических отношений, т.е. связей, возникающих в процессе производства, распределения и потребления продукта в рамках некоторой общности людей. Соответственно, нас интересует возможное влияние реформы (если бы она была проведена, что называется, «идеально») не на изменение покрова одежды, формы конской упряжи или даже способа возделывания земли, а на трансформацию отношений между людьми, возникающих в процессе хозяйственной деятельности, а также отношений людей к средствам производства (включая собственно способ природопользования, т.е. изъятия из природной среды необходимых для удовлетворения потребностей человека ресурсов) [3].

Экономические условия землеустроительной реформы у западных бурят в контексте ее возможного отрицательного влияния на систему традиционного хозяйства, т.е. изъятие из их пользования земель без ущерба для традиционного способа природопользования сводятся к следующему: 1) большая часть иркутских бурят занималась преимущественно земледелием, скотоводство имело вспомогательный характер; 2) в силу этого значительная часть земель, считавшихся за бурятами, фактически ими не использовалась по назначению, а сдавалась в аренду; 3) бурятский род — номинальный владелец и распорядитель земель — фактически перестал существовать к концу XIX столетия, господствовало «булучное» (т.е. поселенное) землевладение, аналогичное землевладению «сельского общества» у русских крестьян, и это противоречие, порождающее чересполосицу и многочисленные земельные споры, требовало разрешения.

Земледельческо-скотоводческий характер (а не наоборот!) хозяйства западных бурят зафиксирован в ходе проведенного иркутскими учеными-статисти-

ками в 1887–1889 гг. масштабного исследования сельского хозяйства Восточной Сибири, итогом которого стало издание нескольких томов «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний». В Иркутской губернии «подворной переписью» были охвачены четыре из пяти округов — Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский и Верхоленский (ровно те, в которых компактно проживало бурятское население). Исследование показало, что уровень земледелия иркутских бурят сопоставим с таковым у местного русского населения: средний показатель площади пашни (с залежами) на приписную душу по губернии у бурят и русских оказался одинаковым — 4 дес. (десятины); по округам он варьировался следующим образом: Иркутский — 3,1 дес. у бурят, 3,4 дес. — у русских, Балаганский — 5,5 дес. и 4,7 дес., Нижнеудинский — 3,5 дес. и 4,7 дес., Верхоленский — 4 и 3,1 дес. соответственно¹. Более объективный показатель — площадь запашки («мягкой пашни», т.е. пашни без залежей) на наличную душу («наличные души» в отличие от «приписных» — люди обоего пола, постоянно проживающие в селении) — еще более красноречив: средний показатель по губернии у бурят и русских — 2,1 дес. и 2 дес. соответственно; по округам: Иркутский — 1,7 дес. и 1,8 дес., Балаганский — 3 дес. и 2,3 дес., Нижнеудинский — 1,9 дес. и 2,2 дес., Верхоленский — 1,8 дес. и 1,5 дес. соответственно². Средняя урожайность в трех

¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. М., 1890. Т. 2. Вып. 3. С. 106; там же. Прил. IV, С. 42–43; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. М., 1890. Т. 2. Вып. 4. С. 91.

² Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. М., 1890. Т. 2. Вып. 4. С. 92–93; там же. Поселенные таблицы. С. 62, 67, 72, 77.

наиболее развитых в сельскохозяйственном отношении округах (Иркутском, Нижнеудинском и Балаганском; аналогичные данные по Верхоленскому округу отсутствуют) в бурятских хозяйствах мало отличается от урожайности в хозяйствах русских крестьян: ярица (яровая рожь) — 42 против 45 пудов с дес., озимая рожь — 39 против 44 пудов с дес., пшеница — 41 против 44 пудов с дес., овес — 48 против 53 пудов с дес. Несколько меньшая урожайность бурятской пашни коррелирует с несколько большей ее средней площадью на наличную душу. Это в целом объясняется спецификой природных условий хозяйственной деятельности западных бурят: они проживали преимущественно в степных и лесостепных районах и, следовательно, имели для увеличения запашки возможность (меньшие затраты на разработку почвы) и ощущали в этом необходимость (низкое качество песчаных почв, которые быстрее переводились в залежи, неглубокий снежный покров, создававший проблему для посевов озимой ржи). В силу этого же обстоятельства буряты в сравнении с русскими обладали большим количеством скота и, соответственно, большими площадями выгонов, однако состав скота (крупный скот преобладал над мелким, а в составе крупного скота — крупного рогатого скота над лошадьми [4, с. 55]) и порядок ухода за ним (короткие периодические перекочевки между «летниками» и «зимниками» (летними и зимними усадьбами), постепенно прекращающиеся³) никак не позволяет считать западных бурят «кочевниками». Иногда их скотоводство специалисты идентифицируют как «полуоседлое», признавая при этом доминирующую роль в хозяйстве земледелия [5, с. 96, 115]. Интересно, что и по официальным документам часть иркутских бурят была причислена к «оседлым инородцам», но при этом их статус «оседлых», равно

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 622. Л. 1; Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

как и статус их соседей — «кочующих инородцев» никак не коррелирует с типом их хозяйства. Например, наиболее обеспеченные пашней «инородцы» Балаганского округа официально являлись «кочующими», а активно занимающиеся скотоводством буряты Тункинской долины в массе своей были «оседлыми». Таким образом, хозяйство западных бурят — комплексное, безусловно — было приспособлено к природным особенностям Прибайкалья, и именно поэтому оно не являлось хозяйством «номадного» типа.

Буряты составляли около пятой части населения Иркутской губернии, при этом в их формальном пользовании находилась почти половина (48 %) земель четырех округов, в которых они проживали. На душу сельского населения в Иркутской губернии у «инородцев» приходилось 20,6 дес. «удобной земли», у русских — 12,6 дес. (под «удобной землей» понимались пашни (с залежами), покосы (в том числе удобряемые и орошаемые — утуги), выгоны, усадебная земля и лесные угодья). По округам этот показатель выглядит следующим образом: Иркутский — 13,2 дес. и 9,8 дес., Балаганский — 22,4 дес. и 9,7 дес., Нижнеудинский — 66,9 дес. и 20,7 дес., Верхоленский — 23,9 дес. и 11,7 дес. соответственно. Без лесов на душу населения приходилось: по губернии — 10,1 дес. у «инородцев» и 4,9 дес. у русских крестьян; по Иркутскому округу — 6,9 дес. и 3,7 дес., по Балаганскому округу — 11,1 дес. и 5,2 дес., по Нижнеудинскому округу — 14 дес. и 7,2 дес., по Верхоленскому округу — 11,7 дес. и 3,5 дес. соответственно⁴. Везде мы видим практически двукратное превышение землепользования бурятского населения над землепользованием русских крестьян. Та

⁴ Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. 2. Вып. 2. С. 96-97; Вып. 3. Прил. П к гл. IV. С. 18-20; там же. Вып. 4. С. 4, 5, 60-61, 67.

же картина наблюдается, если проанализировать отдельные виды земельных угодий. Про пашню уже говорилось, по покосам средний показатель по губернии — 2,5 дес. на душу населения у бурят и 1,2 дес. — у русских крестьян; по выгонам — 4,4 дес. у «инородцев» и 1,1 дес. — у крестьян, и только по усадебным землям русские крестьяне превосходят бурятских (у последних их по данным исследователей нет вовсе). Все это можно объяснить важной ролью скотоводства для бурятского населения, которое, обладая большим (в сравнении с русскими крестьянами) количеством скота нуждалось и в больших площадях выгонных и покосных лугов (и именно на этих землях находились «летники» и «зимники», не попадавшие, таким образом, в «усадебные земли» статистиков). Однако все не так просто — оказывается, бурятские хозяйства фактически не использовали часть «своих» земель. В ходе хозяйственной переписи 1887–1889 гг. исследователи выявили многочисленные (можно сказать — типичные) случаи сдачи в аренду земли: по губернии (без неохваченного исследованиями Киренского округа) покосы сдавали в аренду 56,2 % бурятских хозяйств и 32,9 % хозяйств русских крестьян, пашенные земли — 9,7 % и 26,7 % соответственно. 12,3 % бурятских и 32,1 % русских хозяйств арендовали покосы, 7 % и 21,5 % соответственно — пашню⁵. Удивительно в этих цифрах то, что буряты сдают покосы, которые для них, как для скотоводов, должны иметь особую ценность. В некоторой части это можно объяснить тем, что покосы находились в большинстве селений бурятских крестьян в распоряжении не частном, а «общественном», следовательно, высокий процент сдающих хозяйств может быть объяснен тем, что в него ока-

⁵ Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. 2. Вып. 4. С. 129, 137.

зались включены все хозяйства селений, сдающих покосы. Но при ближайшем рассмотрении вопроса оказывается, что, во-первых, если русские крестьяне сдавали землю своим соседям — также русским крестьянам (т.е. земля перераспределялась, как правило, внутри общины от более обеспеченных к менее обеспеченным домохозяйствам), то буряты сдавали землю преимущественно русским крестьянам⁶, а во-вторых, инициатива сдачи «общественных» покосов принадлежала «иностранцам» начальникам — тайшам и шуленгам, и, видимо, они же распоряжались вырученными средствами⁷. Кроме того, по общей практике пашня в губернии сдавалась на продолжительный срок (как правило — 40 лет), в то время как покосы — на один год, что позволяло учитывать рыночную конъюнктуру.

Земли иркутских бурят официально, как правило, числились за родами, за отдельными селениями — лишь в виде исключения. На практике родовой общины у бурят к концу XIX в. уже не существовало, землями вокруг селений пользовались фактически представители разных родов, в данном селении проживающие [6, с. 34]. Булук — территориальная община, пользующаяся землей, как правило не совпадала с родом (у русских крестьян была похожая ситуация — фактическая община не совпадала с податной единицей — сельским обществом)⁸. Это приводило к чрезвычайной запутанности землепользования, чересполосице (относительно официально закреплен-

⁶ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. 2. Вып. 3. С. 284.

⁷ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 142. Л. 4-6; Д. 600. Л. 16-21; ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 182, 207.

⁸ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. 2. Вып. 3. С. 105.

ного родового землепользования)⁹, которая даже высшими чиновниками Российской империи признавалась «чрезвычайной»¹⁰, что приводило к многочисленным земельным спорам, усугублявшимся имущественной дифференциацией внутри общины: обычным явлением стал самовольный захват общинных земель богатыми «инородцами»¹¹. В итоге более половины пашенных земель оказались в руках богатей, им же принадлежало 60 % скота [7, с. 73]. В целом ряде случаев «инородческие» общины сами выступали инициаторами передела земли [8, с. 141, 145]. Все это делало необходимостью новое межевание земель и юридическое оформление фактически сложившегося землепользования.

Последнее и составляло непосредственную цель реформы землепользования, хотя, как уже говорилось, в итоге ее предполагалось «освобождение» земельных ресурсов для нужд колонизации. Начало реформы землеустройства в Сибири было положено принятием 23 мая 1896 г. «Главных оснований поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской»¹², дополненных в 1898 г. законами «О составе чинов и расходах по поземельному устройству сельского населения четырех

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 86, 96.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 396. Оп. 1. Д. 1475. Л. 13.

¹¹ НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 100. Л. 1; Д. 298. Л. 1; Д. 547. Л. 1; Ф. 1. Оп. 2. Д. 203. Л. 1; Ф. 201. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

¹² Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб., 1898. С. 1–6.

сибирских губерний»¹³, «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями»¹⁴ и «Правилами о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской».

В соответствии с новыми узаконениями земельный надел «инородцев» (не считая «бродячих»), как и русских крестьян, ограничивался 15 десятинами пашни и лугов и 3 десятинами леса на приписную душу. Таким образом, «инородцы» Прибайкалья должны были лишиться значительной части своих пахотных и луговых земель (на приписную душу у них приходилось (без лесов) в среднем 19,2 дес.) и большей части лесных угодий. То есть бóльшую часть потерь для «инородцев» должны были составить лесные пространства, доля потенциально потерянных пашен и

¹³ Высочайше утвержденное 5 Января 1898 г. мнение Государственного Совета о составе чинов и расходах по поземельному устройству сельского населения четырех сибирских губерний // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб., 1898. С. 6–13.

¹⁴ Высочайше утвержденное 19 Января 1898 г. мнение Государственного Совета о замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб., С. 14–22; Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб., 1898. С. 25–57.

лугов — около четверти. После завершения землеустройства те «инородцы», которые официально считались «кочующими», причислялись к «оседлым» (значительная их часть уже были «оседлыми»; это напрямую не было связано с типом их хозяйства, как уже говорилось выше). Что важнее — вслед за этим должна была быть ликвидирована прежняя система административно-территориального управления западных бурят («род-ведомство»), вместо нее вводилась однотипная с русской волостная организация. Одновременно подушные сборы и ясак заменялись оброчной (для общественного землепользования) и поземельной (для личного землепользования) подастями (что уравнивало в этом смысле сельских жителей Сибири с сельскими жителями Европейской России). Более детальный разбор законодательных оснований реформы позволяет говорить о чрезвычайно либеральном подходе к установлению новых правил землепользования «инородцев».

Во-первых, перед началом землеустройства должно было быть проведено комплексное исследование хозяйственного быта «инородцев». Результаты упомянутой «подворной переписи» 1887–1889 гг. могли быть приняты как основания для начала реформы, а могли и не стать таковыми (в ряде случаев на практике так и произошло — была констатирована необходимость проведения дополнительных исследований). Во-вторых, процедура введения нового порядка была детально прописана и растянута во времени: сначала проводились топографические работы, затем — проектирование наделов. Проекты земельных и лесных наделов представлялись сельским сходам, которые должны были их одобрить. В случае такого одобрения проекты передавались в поземельно-устроительную комиссию, в противном случае проект перерабатывался. Поземельно-устроительная комиссия также должна была утвердить проект. Если она этого не

делала, то проект снова отправлялся на доработку и процедура «откатывалась» к своему началу. Спорные проекты рассматривались Общим присутствием Губернского управления. Проекты, утвержденные комиссией или спорные проекты, принятые в своем конечном виде Общим присутствием, были основаниями для окончательного отграничения наделов. На такие наделы оформлялись отводные записи (т.е. основные документы на право пользования землей). После этого отводные записи должны были быть утверждены Старшим чиновником по составлению отводных записей и вручены пользователям. Только после этого проводилось собственно межевание земель на местности. Но даже на этом этапе «инородцы» имели право подать кассационную жалобу в Сенат (и на практике этим правом пользовались). Одновременно с этим (т.е. после вручения отводных записей) производился перевод «кочующих» (или «кочевых») «инородцев» в разряд «оседлых». В-третьих, закон предоставлял чинам землеустроительных партий и поземельно-устроительной комиссии право изменять установленную общую 15-десятичную норму соответственно с особенностями хозяйства «инородцев» в том или ином конкретном случае. Например, если фактическое землепользование превышало 15-десятичную норму, можно было его сохранить при условии «доприселения» новых членов «сельского общества» (срок на «раздумья» — три года), а в ряде случаев (например, при бедности почв, скотоводческого характера хозяйства конкретного булука и т.п.) с разрешения губернских властей — и без такового. Кроме того, если у «общества» были официально оформленные ранее документы на пользование землей, превышающей по площади норму, то она оставалась в пользовании (на практике это случалось крайне редко из-за отсутствия подобных документов). В-четвертых, при отграничении от земель «общества» «лишних» пло-

щадей «инородцы» сами решали, какие земли следует отдать, а какие — оставить за собой; «инородцам» для поддержания скотоводства во временное бесплатное пользование могло быть предоставлено сверх установленного надела до 15 десятин (на приписную душу) выгонных степей, а для поддержания земледелия — уже расчищенных пашен (на 5 лет с момента окончательного отграничения надела); землями «со-роклетнего пользования» (земли, ранее расчищенные от леса и переданные на основе действующего законодательства в бесплатное пользование общин на 40 лет) оставались в бесплатном пользовании до истечения срока; предполагалось также после окончательного отграничения наделов при нехватке у «инородцев» выгонов предоставлять их им из состава казенных земель на льготных условиях¹⁵.

Итак, предположим, что реформа землеустройства была бы проведена в кратчайшие сроки так, как было задумано (в реальности она не была закончена до событий 1917 г., хотя ее темп и увеличился в связи с реформами П.А. Столыпина, но это — отдельный вопрос). Как бы она смогла повлиять на систему традиционного хозяйства западных бурят? Очевидно, что землеустроительная реформа даже теоретически не могла привести к тому, в чем ее обвиняют некоторые исследователи — упадку кочевого хозяйства, переходу к оседлости, «созданию чересполосиц» [9, с. 17], ибо западные буряты к моменту начала реформы уже были оседлыми земледельцами, а одним из результатов реформы как раз должно было стать преодоление чересполосицы и утверждение прав территориальных общин на землю. Правила установления нового порядка землепользования предоставляли «инородцам» многочисленные привилегии, в совокупности полностью нивелирующие

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 240 об.

возможные негативные последствия потери ими части земель. Важно, что закон не ставил целью «превращение» скотоводов в земледельцев, напротив, животноводческая специализация отдельных территориальных групп бурят могла быть поддержана и поддерживалась.

К чему могла бы привести реформа, так это к сокращению влияния родовой аристократии на поземельные отношения. В этом отношении выделим несколько позиций, которые могли быть утрачены бурятской элитой: 1) распоряжение и, возможно, получение доходов от сдачи в аренду общественных покосов; 2) получение доходов от продажи хлеба из-за уравнительного характера нового землепользования (по крайней мере на некоторое время, пока «естественным» образом не произойдет перераспределение пахотных земель внутри булука), поскольку в сибирских условиях 15-десятинный надел объективно был недостаточен для систематического товарного производства хлеба; 3) потеря привилегий, связанных с практикой управления, в условиях установления волостной организации. Видимо, поэтому представители бурятской элиты активно выступали против реформы. По «стечению обстоятельств» отдельные члены известных в среде западных бурят аристократических семей являлись и виднейшими представителями бурятской интеллигенции, озвучивавшими протест против реформы. Яркие примеры — деятельность С. Пирожкова, представителя старой тайшинской династии Балаганской степной думы, главы Боханского инородческого ведомства, и сочинения М. Богданова, который происходил из зажиточной бурятской семьи, в свое время ведшей борьбу за власть в Идинской степной думе [10; 11]. Такая деятельность представителей бурятской элиты объективно способствовала актуализации «национального вопроса», в связи с чем вопрос о влиянии реформы на рост на-

ционального самосознания бурятского населения требует отдельного изучения: с одной стороны, она уравнивала бурят в правах на землю, с другой — приводила к активизации националистических настроений местного характера (через деятельность бурятской аристократии); с одной стороны способствовала уравниванию бурятского и русского сельского населения в правах, с другой — и в обязанностях тоже (и кое-кто терял при этом привилегии). Между тем сохранение Россией на присоединенных национальных окраинах местных порядков (как в социально-экономической сфере, так и в практике управления) всегда было ее сильной стороной как цивилизации и залогом сохранения внутренней стабильности в плоскости межнациональных отношений. Так что этот вопрос далеко не однозначен.

То, что реформа землеустройства применительно к западным бурятам не могла в целом отрицательно повлиять на их традиционное хозяйство, поскольку последнее и так было в значительной степени земледельческим, не отменяет спорного характера изначальной мотивации российского царского правительства, которое пыталось освободить земли для переселения крестьян из Европейской России, страдавших от хронического малоземелья, и тем нивелировать актуальность «крестьянского вопроса», не затрагивая поместного землевладения. Но, с другой стороны, переселенческую политику Российской империи можно и нужно рассматривать и как одно из проявлений цивилизационного движения России на Восток, как способ освоения русским народом — системообразующим этносом российской цивилизации — евразийских пространств. Распространение на сибирские губернии общероссийского земельного законодательства и связанных с ним норм налогообложения и административно-территориального устройства в этом контексте должно было способство-

вать укреплению связей «исторической» России с Сибирью, которой, как пророчествовал М.В. Ломоносов, «российское могущество прирастать будет».

Список использованной литературы

1. Дорофеев М.В. Земельная реформа в Сибири 1896–1916 гг. (аспекты взаимоотношений власти и крестьянства) / М.В. Дорофеев // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303. — С. 69–73.

2. Курышов А.М. Итоги сибирской землеустроительной реформы рубежа XIX–XX вв. и хозяйство бурят Иркутской губернии / А.М. Курышов // Историко-экономические исследования. — 2011. — Т. 12, № 1. — С. 30–44.

3. Курышов А.М. Традиционное хозяйство коренных народов как система / А.М. Курышов // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 3. — С. 187–194.

4. Батуева И.Б. Скотоводство в системе традиционного хозяйства бурят / И.Б. Батуева // Бурятия XVII — начала XX вв. Экономика и социально-культурные процессы. — Новосибирск, 1989. — С. 51–68.

5. Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во II половине XIX века-начале XX века (60-е гг. XIX — октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни / Ч.Г. Андреев. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад., 2001. — 287 с.

6. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. / И.А. Асалханов. — Новосибирск : Наука, 1975. — 268 с.

7. Батуева И.Б. Социальное расслоение в бурятском скотоводческом хозяйстве в конце XIX в. / И.Б. Батуева // Социально-экономическое развитие Бурятии, XVII-начала XX в. / отв. ред. С.А. Максанов. — Новосибирск, 1987. — С. 71–81.

8. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века / И.А. Асалханов. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963. — 494 с.

9. Балданова А.С.-Д. Трансформация традиционного хозяйственного природопользования бурят в конце XIX-начале XX в. / А.С.-Д. Балданова // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 4-2 (72). — С. 13–18.

10. Богданов М. К вопросу о бурятском многоземелье / М. Богданов // Сибирские вопросы. — 1908. — № 39-40. — С. 35–46.

11. Богданов М. Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде Иркутской губернии / М. Богданов // Сибирские вопросы. – 1906. – № 2. – С. 278–288.

References

1. Dorofeev M.V. The land reform in Siberia on 1896–1916 (relations between government and peasants). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2007, no. 303, pp. 69–73. (In Russian).

2. Kuryshov A.M. Results of the Siberian land reform at the turn of the XXth century and economy of the Buryats of Irkutsk Governorate (Gubernia). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2011, vol. 12, no. 1, pp. 30–44. (In Russian).

3. Kuryshov A.M. Traditional economy of indigenous peoples as a system. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2012, no. 3, pp. 187–194. (In Russian).

4. Batueva I.B. Cattle breeding in the system of traditional economy of the Buryats. In *Buryatia XVII – early XX centuries. Economics and socio-cultural processes*. Novosibirsk, 1989, pp. 51–68. (In Russian).

5. Andreev Ch.G. *Indigenous peoples of Eastern Siberia in the second half of the XIXth century and the beginning of the XXth century (1860s – October 1917): modernization and traditional way of life*. Ulan-Ude, Buryat State Agricultural Academy Publ., 2001. 287 p.

6. Asalkhanov I.A. *Agricultural economy in Siberia in the late XIX – early XX centuries*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975. 268 p.

7. Batueva I.B. Social stratification in the Buryat cattle breeding economy at the end of the XIXth century. In Maksanov S.A. (ed.). *Socio-Economic Development of Buryatia of the XVII-Beginning of the XX Century*. Novosibirsk, 1987, pp. 71–81. (In Russian).

8. Asalkhanov I.A. *Social-economic development of South-Eastern Siberia in the second half of XIX century*. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1963. 494 p.

9. Baldanova A.S.-D. Transformation of the Buryats traditional natural resource use at the end of XIX – the beginning of XX centuries. *Izvestiya Altaiskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2011, no. 4-2, pp. 13–18. (In Russian).

10. Bogdanov M. On the issue of possession of vast lands by the Buryats. *Sibirskie voprosy = Siberian questions*, 1908, no. 39-40, pp. 35–46. (In Russian).

11. Bogdanov M. Essay on the Buryat economy in the Balagansky Uyezd of the Irkutsk Governorate (Gubernia). *Sibirskie voprosy = Siberian questions*, 1906, no. 2, pp. 278–288. (In Russian).

Информация об авторах

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: akm882@ya.ru. 0000-0003-2404-4537; SPIN-код: 6335-8493; AuthorID: 362477.

Курьшова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права, конституционного и административного права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: kiw09@mail.ru. 0000-0003-1979-1247; SPIN-код: 5844-7619; AuthorID: 362482.

Authors

Andrei M. Kuryshov — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: akm882@ya.ru. 0000-0003-2404-4537; SPIN-Code: 6335-8493, AuthorID: 362477.

Irina V. Kuryshova — Ph.D. in History, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: kiw09@mail.ru. 0000-0003-1979-1247; SPIN-Code: 5844-7619; AuthorID: 362482.

Для цитирования

Курьшов А.М. Основания землеустроительной реформы конца XIX — начала XX столетия на землях западных бурят: теоретический аспект / А.М. Курьшов, И.В. Курьшова. — DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(2).298-320 // Историко-экономические исследования. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 298–320.

For Citation

Kuryshov A.M., Kuryshova I.V. The Rationale behind Land Reform of the Late XIX – Early XX Centuries on the Lands of the Western Buryats: A Theoretical Aspect. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2022, vol. 23, no. 2, pp. 298–320. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(2).298-320.